

И.А. БУНИН И РУССКИЙ НАУЧНЫЙ ИНСТИТУТ В БЕЛГРАДЕ (К ИСТОРИИ НЕСОСТОЯВШЕГОСЯ СОТРУДНИЧЕСТВА)¹

© 2018 г. А.В. Бакунцев

*Канд. филол. наук, доцент МГУ.
E-mail: auctor@list.ru*

Русский научный институт – одно из уникальных исследовательских просветительских «учреждений» Русского культурного комитета в Белграде – стремился привлечь к сотрудничеству лучшие научные и литературные силы русского зарубежья. Одним из тех, с кем Институт в первую очередь попытался завязать деловые контакты, был И.А. Бунин. Однако эта попытка успехом не увенчалась.

The Russian Scientific Institute – one of unique research and educational «institutions» of the Russian Cultural Committee in Belgrade – sought to involve best scientific and literary forces of the Russian abroad in cooperation. Ivan Bunin was one of those who the Institute tried, among the first ones, to establish contacts with. This attempt proved unsuccessful though.

Ключевые слова: И.А. Бунин, Е.В. Спекторский, Ф.В. Тарановский, Русский научный институт, Русский культурный комитет в Белграде, Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев, Югославия.

Keywords: Ivan Bunin, Yevgeny Spektorsky, Fedor Taranovsky, Russian Scientific Institute, Russian Cultural Committee in Belgrade, Kingdom of Serbs, Croats and Slovenians, Yugoslavia.

DOI: 10.31857/S0869544X0000467-6

Русский научный институт (РНИ) был основан и сразу включен в число «учреждений» Русского культурного комитета в Белграде (РКК)² в июне

¹ За неоценимую помощь, оказанную при подготовке данной статьи, ее автор благодарит сотрудников Архива внешней политики Российской империи при Министерстве иностранных дел Российской Федерации, Государственного архива Российской Федерации, Российской государственной библиотеки, Библиотеки Дома русского зарубежья имени А. Солженицына, а также лично Р. Дэвиса (Русский архив в Лидсе) и С.Н. Морозова (Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук).

² Среди таковых были также Русская публичная библиотека, Издательская комиссия, музыкальная, художественная и театральная студии. Предполагалось также выпускать литературно-художественный журнал наподобие русских дореволюционных «толстых» журналов, однако этот проект остался нереализованным.

1928 г. Инициаторами создания РНИ и авторами его устава были русские ученые – профессора Белградского университета и Торговой академии: В.И. Баскаков, Ант. Дм. Билимович, Ю.Н. Вагнер, Н.И. Васильев, А.П. Доброклонский, Д.Ф. Конев, А.И. Косицкий, С.М. Кульбакин, В.Д. Ласкарев, Т.В. Локоть, И.П. Марков, Г.Н. Пио-Ульский, А.Л. Погодин, Н.Н. Салтыков, И.С. Свищев, Е.В. Спекторский, Ф.В. Тарановский, Л.Я. Таубер, С.В. Троицкий, В.В. Фармаковский и А.И. Щербатов. Эта же группа стала ядром институтской профессуры, состав которой в дальнейшем неуклонно расширялся. Председателем РНИ был избран Е.В. Спекторский, товарищем председателя – Г.Н. Пио-Ульский, членами правления – А.П. Доброклонский, С.М. Кульбакин, Н.Н. Салтыков и А. Белич, представлявший одновременно Державную комиссию по делам русских беженцев в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев (КСХС)³, РКК и сербскую науку. Торжественное открытие РНИ состоялось 21 сентября 1928 г., в рамках проходившего в ту пору в Белграде IV Съезда русских академических организаций за границей.

РНИ был задуман как «учреждение русских кафедр по специально русским предметам, часть коих будет постоянно, а некоторое количество свободных, временно замещаемых приезжающими из-за границы русскими учеными или крупными литературными именами» [1. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 258. Л. 5]. По сути, он представлял собой своего рода синтез научно-исследовательской организации и университетского колледжа. С течением времени в РНИ было открыто пять отделений: философское; языка и литературы; общественных и исторических наук; естественных, агрономических и медицинских наук; математических и технических наук, – а также военная секция. Институт вел чрезвычайно активную научную работу: регулярно устраивал конференции, семинары, курсы, публичные лекции и доклады; издал 17 выпусков «Записок Русского научного института в Белграде» (1931–1941), двухтомные «Труды IV Съезда русских академических организаций за границей в Белграде» (1929) и др. Имелись у него и свои стипендиаты из числа талантливых молодых ученых⁴.

Финансирование РНИ, так же как и других «учреждений» РКК, осуществлялось из сумм, поступавших от Державной комиссии по делам русских беженцев, которая получала эти суммы из государственной казны. На содержание РНИ (т.е. на выплату жалованья профессорам, издательскую деятельность, стипендии, аренду помещений и канцелярские расходы, приобретение книг и пособий) ежемесячно выделялось 50 000 динар. В фонде Российской миссии в Белграде в Архиве внешней политики Российской империи при МИД РФ⁵ отложилась отчетная финансовая документация РНИ за первый год его существования: согласно ей, к 1 января 1929 г. на Институт было потрачено 106 627,70 динар; через полгода сумма расходов выросла до 268 358,70 динар [1. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 258. Л. 21, 38]. Более поздние финансовые отчеты, по всей видимости, не сохранились.

³ Так до 1929 г. официально именовалась Югославия.

⁴ Подробнее о РНИ см. [2. С. 3–27; 3. С. 172–182].

⁵ Документы РКК попали в указанный фонд благодаря тому, что одним из членов РКК был В.Н. Штрандтман – русский посланник в КСХС, назначенный А.В. Колчаком и возглавлявший Российскую миссию в Белграде (1919–1924), а затем, после ее формального упразднения, – Делегацию, ведающую интересами русской эмиграции в КСХС / Югославии (1924–1939).

Стремясь поддерживать репутацию «зарубежной русской Академии наук», РНИ делал ставку на привлечение к сотрудничеству лучших научных и литературных сил русского зарубежья. Лекции в Институте читали не только названные выше профессора Белградского университета и Торговой академии, но и приглашенные ученые, в том числе Е.В. Аничков, Н.Н. Головин, В.В. Зеньковский, И.А. Ильин, А.А. Кизеветтер, И.И. Лаппо, Н.О. Лосский, Е.А. Ляцкий, Д.П. Рябушинский, П.Б. Струве, С.Л. Франк, Е.Ф. Шмурло и др. В разные годы выступали перед студентами РНИ и писатели: К.Д. Бальмонт, З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковский, И. Северянин, Е.Н. Чириков. В их числе мог оказаться также И.А. Бунин, однако в силу разных причин, о которых пойдет речь далее, этого не произошло.

Собственно, Бунин был первым среди писателей-эмигрантов, к кому РНИ обратился с предложением выступить в своих стенах. Пригласить его, сроком на один семестр (который равнялся трем месяцам) и с ежемесячным окладом в 6 000 динар, было решено на первом заседании Совета РНИ, которое состоялось 24 июня 1928 г.⁶ Пять дней спустя, 29 июня, уже на заседании РКК, эту инициативу озвучил в докладе Е.В. Спекторский. РКК постановил его доклад «принять к сведению и просить председателя [РКК] профессора А.И. Белича⁷ переговорить об одновременном с академиком И.А. Буниным приглашении Д.С. Мережковского» [1. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 258. Л. 12]. Окончательные условия бунинского сотрудничества с РНИ предполагалось обсудить в ходе предстоявших в сентябре 1928 г. в Белграде IV Съезда русских академических организаций и I Съезда союзов русских писателей и журналистов за границей. Бунин был приглашен на оба съезда: на один — как почетный академик, на другой — как литератор, и в Белграде не сомневались, что он почтит их своим присутствием.

Сам Бунин об инициативе РНИ и постановлении РКК узнал из письма Е.В. Спекторского от 18 июля 1928 г., где, среди прочего, отмечалось: «Относительно Ваших занятий в Белграде мы Вам предоставляем полную свободу. Единственное условие категорического характера — не принимать никакого участия в работе здешнего отделения пражского Земгора, ибо и мы, здешние ученые, и помогающие нам сербские учреждения смотрим на [Русский научный] институт как на строго академический противовес Земгора и его тенденциозной политической работы» [4. MS. 1066/5269]⁸.

⁶ На том же заседании Совет РНИ постановил пригласить наряду с Буниным и на тех же условиях: на один семестр — профессоров Н.О. Лосского и Д.П. Рябушинского, на один год — академика П.Б. Струве [1. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 258. Л. 12]. В итоге Струве, переехав из Праги в Белград, возглавил отделение общественных и исторических наук РНИ. Югославскую столицу он покинул в 1942 г.

⁷ Все русские, знавшие А. Белича лично или хотя бы по переписке, звали его, в соответствии с русским речевым этикетом, по имени-отчеству: Александр Иванович.

⁸ Неприязненный отзыв Спекторского о белградском отделении пражского Земгора был обусловлен чисто политическими причинами: Земгор состоял в основном из членов партии социалистов-революционеров, в то время как сам Спекторский и большая часть профессуры РНИ были приверженцами правых идей. Под «тенденциозной политической работой» белградского Земгора Спекторский, очевидно, подразумевал в первую очередь выпускавшийся Земгором на сербском языке журнал «Русский архив», который стремился давать на своих страницах объективную — как правило, противоречившую пропагандистским усилиям правых — картину происходящего в СССР.

В том же письме Спекторский просил Бунина выступить на академическом съезде с воспоминаниями о Л.Н. Толстом, которому планировалось посвятить одно из заседаний, а также сообщить хотя бы приблизительную дату приезда в Белград и высказать пожелания насчет аванса для покрытия дорожных расходов.

Ответ Бунина на это послание не сохранился, однако из содержания следующего письма Спекторского, которое датировано 3 августа 1928 г., можно сделать вывод, что этот ответ был отрицательным. Несмотря на то, что, как почетный член Императорской академии наук, Бунин обладал правом «занять профессорскую кафедру в любом европейском университете» [5. С. 2], подобное поприще его никогда не прельщало. Например, в 1920 г. ему предоставлялась возможность стать профессором Софийского университета и возглавить кафедру новой русской литературы: за писателя хлопотал сам министр народного просвещения Болгарии Ц. Бакалов (см. [6. С. 35]). Однако Бунин этой возможностью пренебрег. В 1922 г. он, несмотря на уговоры чехословацкого правительства и некоторых частных лиц, так и не переехал в Прагу, чтобы «читать лекции русским студентам» [7. С. 61]. И даже в роли «публичного», «не академического» лектора Бунин за свою долгую жизнь попробовал себя всего лишь четыре раза: дважды в Одессе в 1919 г. (когда читал лекцию «Великий дурман» в Новороссийском университете) и дважды в Париже в первой половине 1920-х годов (когда выступил с сокращенным вариантом «Великого дурмана» в Salle de Société Savante и с лекцией о творчестве А.К. Толстого в Сорбонне).

Категорический отказ писателя становиться «профессором» РНИ не на шутку встревожил Спекторского, который поспешил «рассеять недоразумение»: «Мы вовсе не предлагаем Вам превратиться в профессора. Мы просто предлагаем Вам приехать в Белград погостить, на нас посмотреть, себя показать и в случае, если Вы пожелаете, устроить одно или два публ[ичных] выступления в виде лекции, чтения произведений и т. п. Приглашаем мы Вас не навсегда, а на несколько месяцев, если хотите, всего на один или два и предлагаем за это оплату проезда и 6 тыс. дин[ар] в месяц. Посему мы не теряем надежды, что Вы возьмете свой отказ назад и если не сейчас, то позже заглянете к нам. Я думаю, что после парижского, как сказал бы К.Н. Леонтьев, “смесительного упрощения” балканская “цветущая сложность”⁹ могла бы дать Вам несколько небесполезных впечатлений» [4. MS. 1066/5270].

Процитированные строки вынудили Бунина пересмотреть свое отношение к перспективе взойти на профессорскую кафедру в Белграде. 12 августа 1928 г. он сообщил Спекторскому: «То, что Вы теперь пишете, рисует мне дело в ином виде, и, быть может, зимой я воспользуюсь Вашим предложением¹⁰. Что до съездов, то боюсь, что занятия

⁹ Очевидно, леонтьевские термины из трактата «Византизм и славянство» (1875) послужили Спекторскому метафорами для обозначения и противопоставления государственного уклада Французской республики («упадочная» демократия как «смесительное упрощение») и КСХС (монархия как «цветущая сложность»). Эти же слова можно истолковать и как намек на преобладание левых тенденций в умонастроениях «русского Парижа» — в противоположность «русскому Белграду» с его преимущественным тяготением вправо.

¹⁰ Довольно скоро эти слова стали достоянием местной русской прессы, но в ее интерпретации они почему-то утратили свой гипотетический смысл. Так, белградская газета «Новое время», перечисляя тех, кто прибыл на I Съезд союзов русских писателей и журналистов

мои (весьма сейчас срочные)¹¹ и страх перед поездкой в Париж за визами, а потом перед мукой не спать двое суток, сидя в вагоне второго класса, лишат меня возможности быть на них» [9. Ф. Р-6820. Оп. 1. Д. 5. Л. 10]¹².

Однако и зимой 1928–1929 гг. Бунин в югославскую столицу не приехал. 6 ноября 1928 г. он писал председателю РКК А. Беличу: «Не теряю надежды заглянуть в Белград, хотя, признаюсь, боюсь Вашей зимы, она сурова, а у меня даже теплого пальто нет» [11. С. 265].

Несомненно, эти слова были доведены до сведения Спекторского и Совета РНИ. Тем не менее Институт не собирался так легко отказываться от своей первоначальной затеи и в июне 1929 г. через Спекторского повторно пригласил писателя выступить: «Мы Вас просим приехать на семестр, т.е. на 3 месяца. Если этот срок для Вас слишком продолжителен, то Вы можете его сократить. Никаких лекционных требований мы Вам не предъявляем. Но мы, конечно, были бы рады, если бы Вы выступили у нас один или несколько раз с Вашими произведениями, воспоминаниями или сообщениями о русской литературе. Вы можете выступать и по приглашению других организаций. В частности, я не сомневаюсь, что Вас пригласит Русская матица в Любляне¹³, где Ал. Д. Билимович предложит Вам гостеприимство в собственном доме. Единственное ограничение – это не выступать у здешнего [э]с[е]ровского Земгора, ведущего кампанию против Института и вообще, как Вы сами увидите, если приедете, представляющего довольно грязное учреждение. Если приедете, Вам будет возмещен проезд в оба конца во втором классе и Вы будете получать 6 000 динаров в месяц (точнее, за вычетом государственного сбора, 5 580). Не откажите сообщить, согласны ли Вы приехать и когда именно (наш сезон начнется в последних числах октября)» [4. MS. 1066/5271]. Каков был бунинский ответ и был ли он вообще, неизвестно.

за границей, отмечала: «Предполагалось еще присутствие И.А. Бунина, он дал свое согласие, но он получил приглашение от комитета открывающегося в Белграде Русского научного института и приедет только в конце года» [8. С. 1–2].

¹¹ Бунин подразумевал работу над третьей книгой «Жизни Арсеньева», которую в октябре 1928 г. он отправил в журнал «Современные записки» и которая была напечатана в декабре того же года (кн. XXXVII).

¹² Примерно то же самое Бунин писал Б.К. Зайцеву 30 августа 1928 г.: «В Белград, верно, не поеду. Не кончил работу, дай Бог кончить к самому концу сентября [...] Да оказывается, что нужно ехать непременно через Париж, где самому выправлять визы (швейцарскую и австрийскую) – да иметь нансеновский паспорт [...] да три ночи не спать (одну до Парижа, а две там) и т. д.» [10. С. 174].

¹³ Русская матица (1924–1945) – одна из крупнейших в КСХС / Югославии эмигрантских культурно-просветительных организаций. Она являлась «культурно-национальным обществом», ставившим целью «поддержание и развитие национального сознания среди русских людей; содействие народному просвещению; объединение русских людей на почве национально-культурной работы» (цит. по [12. С. 67]). Зародившись в Любляне, организация вскоре открыла свои отделения в ряде других югославских городов, в том числе в Нови-Саде, Большом Бечкереке (ныне – Зреняине), Црвенке, Кралево, Бачка-Тополе, Ужице, Сомборе, Загребе, Хростоваце, Баня-Луке, Мариборе, а также в Брюсселе. Один из основателей и первый председатель Русской матицы Ал. Дм. Билимович образно называл ее «дитем славянской беды» (см. [13. С. 19]).

В ноябре 1930 г. Спекторский получил назначение в Люблянский университет; переехав в Любляну, он также возглавил Русскую матицу (сменив Ал. Дм. Билимовича). А новым председателем РНИ был избран Ф.В. Тарановский. При нем попытки привлечь Бунина к сотрудничеству с РНИ, по всей видимости, не предпринимались.

Своего рода «постскриптумом» к былой переписке Бунина с РНИ стал присланный в ноябре 1933 г., в разгар «нобелевских дней», поздравительный адрес за подписью Тарановского: «Высокопочтимый Иван Алексеевич, вместе со всем Зарубеьем и со всей национально мыслящей и чувствующей подъяремной Русью Русский научный институт в Белграде восторженно приветствует достойное увенчание Вас Нобелевской премией и испытывает по этому поводу сладостное чувство народной гордости. / Просим Вас принять нашу глубокую благодарность за возвеличение пред целым светом русского имени, наше сердечное поздравление и искренние пожелания долгоденствия и процветания Вашего творчества» [4. MS. 1066/5395].

В конце лета 1937 г. Бунин наконец посетил Белград и ряд других югославских городов в рамках своего большого европейского турне (1935–1938), которое он совершал в качестве нобелевского лауреата. Однако и тогда ни в РНИ, ни где бы то ни было еще он публично не выступал (см. [14. С. 2; 15. С. 181–191]).

РНИ оказался едва ли не самым жизнеспособным «учреждением» РКК и притом более жизнестойким, чем сам Комитет, который был упразднен в марте 1937 г. После этого РНИ поступил в ведение Державной комиссии по делам русских беженцев и просуществовал вплоть до захвата Белграда гитлеровскими войсками в апреле 1941 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Архив внешней политики Российской империи.
2. *Спекторский Е.В.* Десятилетие Русского научного института в Белграде (1928–1938) // Записки Русского научного института в Белграде. Белград, 1939. Вып. 14.
3. *Тесемников В.А.* Деятельность Русского научного института в Белграде (1928–1941 гг.) // Развитие общественной мысли в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: Сб. ст. М., 1991.
4. Русский архив в Лидсе.
5. *Федоров А.* Злоключения Бунина в Болгарии (Письмо из Софии) // Сегодня (Рига). 1933. 24 ноября. № 325.
6. *Кёсева Ц.* Болгария и русская эмиграция: 1920–1950-е годы / Пер. с болг. М., 2008.
7. Устами Буниных: Дневники И.А. и В.Н. Буниных и другие архивные материалы: В 2-х т. / Под ред. М.Э. Грин; вступит. ст. Ю.В. Мальцева. М., 2005. Т. 2.
8. [Б. п.] Наши гости // Новое время (Белград). 1928. 25 сентября. № 2218.
9. Государственный архив Российской Федерации.
10. Письма И.А. Бунина к Б.К. и В.А. Зайцевым / Публ. А. Зверса // Новый журнал (Нью-Йорк). 1979. Кн. 134.
11. *Драшкоци С.* Писма Ивана Алексејевича Буњина Александру Белићу и краљу Александру Карађорђевићу // Зборник матице српске за славистику / Славистический сборник. Нови Сад, 1997. Кн. 53.
12. *Арсеньев А.* Русская диаспора в Югославии // Русская эмиграция в Югославии: Сб. статей. М., 1996.

13. *Михальченко С.И., Ткаченко Е.В.* Е.В. Спекторский в эмиграции (1920–1951) // Славяноведение. 2009. № 1.
14. *Рыбинский Н. И.А.* Бунин в Югославии (Письмо из Белграда) // Сегодня (Рига). 1937. 1 сентября. № 239.
15. *Чурич Б.* Из жизни русского Белграда / Пер. с сербск. А. Тарасьева и М. Тарасьевой. Белград, 2015.